

ДУХЪ И ПЛОТЬ.

VIII.

Чувство мистической красоты это космическое чувство, которое выносит человѣка за границы его индивидуальности.

Живая дѣйствительность съ ея заботами, съ ея борьбою за существованіе, замыкаетъ человѣка въ опредѣленный кругъ, занумеровываетъ его, какъ опредѣленную точку среди другихъ однородныхъ точекъ. Но бываетъ такъ, что вдругъ какая то невѣдомая волна подхватитъ тебя, неизвѣстно откуда дышущій и куда идущій вѣтеръ обвѣетъ тебя, подниметъ и унеситъ.

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзитъ, и жизнь, какъ камней гряда,
Лежитъ на насъ,—вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Минувшимъ насъ обвѣетъ и обниметъ
И страшный грузъ минуто приподниметъ.

Бываетъ такъ, какъ будто у человѣка вырастаютъ крылья, подхватываютъ его и уносятъ въ недосыгаемую даль, открывающую предъ нимъ широкіе горизонты.

Чтобы понять и оцѣнить это явленіе, нужно имѣть въ виду, что человѣкъ—сфинксъ: голова у него человѣческая, а все туловище какъ у животнаго. Его сознание — яркая точка, колеблющаяся на широкомъ фонѣ безсознательнаго; точка эта—узелокъ, отъ котораго расходятся безконечныя нити, уже неуловимыя и невѣдомыя. Своею безсознательною основою онъ вѣдряется въ природу, погруженъ въ ея

нѣдра,—и кто знаетъ, гдѣ границы этого родства, какъ далеко уходятъ изъ его сердца эти нити? Несомнѣнно, онъ сродни животнымъ, чувства животныя копошатся въ его груди, въ его чревѣ; онъ сродни стихіямъ,—и мало того, это родство доводитъ до самой глубины матушки-земли сырой и до безконечной дали мерцающей звѣздочки. И не изъ этой ли широкой основы возникаютъ самыя высокія мысли человѣческія—мысль о единомъ космосѣ, о красотѣ единой повсюду жизни? Родной животнымъ и стихіямъ, человѣкъ отличенъ отъ нихъ своимъ сознаниемъ; въ немъ волны стихійныя ударяются о порогъ яснаго сознанія. И вотъ все, что доводитъ стихію до сознанія человѣческаго, что разрушаетъ границы будничной суеты, колышетъ въ немъ космическую основу, все это и даетъ чувство мистической красоты, всякое такое явленіе и есть мистически-прекрасное явленіе.

Сила красоты въ томъ, что она поднимаетъ человѣка надъ узкими границами будничной сутолоки. Красота болѣе всего противоположна рыночному шуму, дневнымъ заботамъ. Мистическая красота—это красота ночи.

Проснулся день. Свѣтло, широко
 На землю лучъ его летить,
 И все, что только видитъ око,
 Земного путника манить,—
 Но голубого неба своды
 Покрыли блѣдностью лучи
 И звѣздъ живые хороводы
 Къ намъ только выступаютъ въ ночи.
 Въ движеніи, въ блескѣ жизни дольной
 Не сходитъ свыше благодать:
 Нельзя въ смятенности невольной
 Красы небесной созерцать,
 Нельзя съ безбрежностью творенья
 Въ чаду отыскивать родства,
 И ночь и мракъ уединенья—
 Единый путь до божества.

Красота это по преимуществу „неразгаданное ночное“. Мракъ ночной это какъ бы обнаженіе природы, дающее человѣку возможность погрузиться въ ея лоно, забыться въ ней, почувствовать съ ней свое родство.

Весна и ночь покрыли долъ,
 Душа бѣжить во мракъ безсонный
 И внятно слышенъ ей глаголь
 Стихійной жизни, отрѣшенной.
 И неземное бытіе
 Свой разговоръ ведетъ съ душою
 И вѣтъ прямо на нее
 Своею вѣчною струею.

. . . . .
 Какъ будто волею всезрящей
 На этотъ мигъ ты посвященъ
 Глядѣть въ лицо природы спящей
 И понимать всемірный сонъ.

Особенная красота ночи—звѣзды; и красота эта—въ чувствѣ родства съ безконечною далью, въ чувствѣ нитей, которыя изъ сердца уходятъ въ бездну неба.

Я долго стоялъ неподвижно,
 Въ далекія звѣзды вглядясь.—
 Межъ тѣми звѣздами и мною
 Какая-то связь родилась.

Обнаженность ночи не только въ ея мракѣ, а также въ ея звукахъ, безконечно-разнообразныхъ, неопредѣленныхъ, неуловимыхъ.

О ночь безлунная!.. Стою я, какъ влюбленный,
 Стою и слушаю, тобой обвороженный..
 Какая музыка подъ ризою твоей!..

Таинственный блескъ луны, далекій громъ водопада, неясныя очертанія вершинъ—въ чемъ красота этой картины? Въ томъ, что

Душѣ легко; не слышу я
 Оковъ земного бытія,
 Нѣтъ мѣста страху, ни надеждъ—
 Что будетъ впредь, что было прежде—
 Мнѣ все равно—и что меня
 Всегда какъ цѣпь къ землѣ тянуло,
 Исчезло все съ тревогой дня,
 Все въ лунномъ блескѣ потонуло.

Все, въ чемъ видно движеніе природной стихіи, жизнь природы, ея дума, что волнуется ту же стихію въ сердцахъ че-

ловѣка, что будить его прошлое,—во всемъ этомъ красота. Красота въ бурѣ, въ ея завываніяхъ и стонѣ.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
 О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
 Что значить странный голосъ твой,
 То глухо-жалобный, то шумный?
 Понятнымъ сердцу языкомъ
 Твердишь о непонятной мукѣ,
 И ноешь, и взрываешь въ немъ
 Порой неистовые звуки!
 О, страшныхъ пѣсень сихъ не пой
 Про древній хаосъ, про родимый!
 Какъ жадно міръ души ночной
 Внимаетъ повѣсти любимой!
 Изъ смертной рвется ояъ груди
 И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
 О, бурь уснувшихъ не буди:
 Подъ ними хаосъ шевелится!...

Какъ прекрасна буря и гроза, дающая почувствовать безпредѣльность міра и ничтожество человѣческихъ дѣлъ и заботъ, дающая почувствовать человѣку родство его съ стихіями міра, будящая въ немъ тѣ же стихіи,—такъ прекрасно и море—безпредѣльная водная стихія. И его пѣнистыя бурныя волны будятъ въ сердцѣ безотчетную отвагу, пробуждаютъ стихійныя силы души,—и его волненіе сродни человѣческой душѣ.

Дробится, и плещеть, и брызжетъ волна
 Мнѣ въ очи соленою влагой;
 Недвижно на камнѣ сижу я—полна
 Душа безотчетной отвагой.
 Валы за валами, прибой и отбой,
 И пѣна ихъ гребни покрыла...
 О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
 Извѣдать воскресія силы?
 Почуяло сердце, что жизнь хороша,
 Вы, волны, размыкали горе,
 Отъ грома и плеска проснулась душа—
 Сродни ей шумящее море!

Въ томъ красота моря, что оно даетъ разуму почувствовать собственныя бездонныя глубины души.

. . . . . Разумъ понимаетъ,
 Что въ сердцѣ есть у насъ такая глубина,
 Куда и мысль не проникаетъ;
 Откуда, какъ съ морского дна,
 Могучимъ трепетомъ полна,
 Невѣдомая сила вылетаетъ
 И что-то смутно повторяетъ,
 Какъ набѣжавшая волна.

Лѣсъ, съ его таинственнымъ мракомъ, съ его стихійнымъ шумомъ, съ его поглощающимъ величіемъ,—лѣсъ то же, что море, тоже стихія, обладаетъ тою же красотою, будить въ насъ то же чувство исчезновенія въ лонѣ природы.

Солнце нижеетъ лучами въ отвѣсъ
 И дрожать испареній струи
 У окраины яркихъ небесъ.
 Распахни мнѣ объятя твои,
 Густолистный, развѣсистый лѣсъ,
 Чтобъ въ лицо и въ горячую грудь
 Хлынулъ вздохъ твой студеной волной,
 Чтобъ и мнѣ было сладко вздохнуть,—
 Дай устами и взоромъ прильнуть
 У корней мнѣ къ водѣ ключевой!
 Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
 Потонулъ въ той душистой тѣни,
 Чтò раскинулъ твой пышный навѣсъ,—
 Распахни мнѣ объятя твои,
 Густолистный, развѣсистый лѣсъ!

Изъ времянь года—мистически-прекрасна весна. Зима загоняетъ человѣка въ свою берлогу, мучить его вопросомъ о кускѣ хлѣба, о необходимомъ теплѣ. Весна—оживленіе природы, пробужденіе ея,—пробужденіе въ ней той жизни, которая бьется пульсомъ въ самомъ человѣкѣ. Красота весны—въ этой гармоніи внутренняго пульса съ біеніемъ жизни въ природѣ, въ этомъ единеніи человѣка съ нею, въ этомъ погруженіи въ нее.

Какъ ни гнететь рука судьбины,
 Какъ ни томить людей обманъ,
 Какъ ни браздятъ чело морщины,
 И сердце какъ ни полно ранъ,
 Какимъ бы строгимъ испытаньямъ

Вы ни были подчинены,—
 Что устоять передъ дыханьемъ
 И первой встрѣчей весны?
 Весна—она о васъ не знаетъ,
 О васъ, о горѣ и о злѣ;
 Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
 И ни морщины на челѣ...

. . . . .
 Игра и жертва жизни частной,
 Приди-жь, отвергни чувствъ обманъ
 И ринься, бодрый, самовластный,
 Въ сей животворный океанъ!
 Приди—струей его эфирной
 Омой страдальческую грудь
 И жизни божески-всемірной
 Хотя на мигъ причастенъ будь!

Много красоты въ жизни—она разлита всюду! Красота—въ крикѣ журавлей, заставляющемъ насъ остановиться, забыть о своей заботѣ, унести въ сердце въ недосыгаемую даль, почувствовать въ ней что-то далекое родное. Красота—пѣніе соловья, журчаніе ручья, волненіе нивы... Красота въ пѣснѣ.

Пѣсню кто уразумѣетъ?
 Кто пойметъ ея слова?
 Но отъ звуковъ сердце млѣетъ
 И кружится голова.

Красота—въ музыкѣ, которая опьяняетъ, хотя это и грубая красота, граничащая съ наркотическимъ опьянѣніемъ...

Красота—въ страсти, которая охватываетъ сердце, окрыляетъ душу, даетъ человѣку взглянуть въ бездну своего сердца, открываетъ ему собственную глубину.

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
 Какъ бурный вихрь, страсть ворвалась неожиданно,
 Съ налета смяла въ ней нарядные цвѣты
 И разметала садъ, тщеславіемъ убранный.
 Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
 Изъ мысли унесла живительная сила
 И токомъ теплымъ слезъ, какъ благодоннымъ дождемъ.
 Опустошенную мнѣ душу оросила...
 Изъ страстей собственно мистически-прекрасна, наиболѣе

даетъ человѣку блаженство самозабвенія—любовь,—любовь муже-женская, эротическая.

Красота любви въ томъ, что она не только потрясаетъ всю нервную систему, но и захватываетъ всю душу, окрыляетъ ее, вдохновляетъ. Красота любви въ ея стихійности: она по преимуществу есть волненіе въ душѣ природной жизни, она по преимуществу вводитъ человѣка въ таинство природы, дѣлаетъ близкимъ ему весь міръ.

„Въ теченіе всей своей жизни,—говоритъ авторъ ст. *Красота въ природѣ и ея смыслъ*,—одиноко растущая или прихотливо движущаяся особь является уединенною отъ всѣхъ другихъ, свободною отъ ихъ вліянія и съ ними не связанною; но въ одинъ мигъ своего существованія, первый и самый важный—когда рождается, она примыкаетъ непосредственно къ морю органической жизни, разлитой по землѣ и уже продолжающейся тысячелѣтія; и въ краткія же мгновенія своего послѣдующаго существованія — когда рождаетъ, она соединяется съ тою жизнью, которая останется на землѣ послѣ того, какъ она сама сдѣлается горстью праха. Такимъ образомъ, въ актѣ рожденія соединенъ весь органическій міръ, такъ разъединенный во всемъ остальномъ своемъ существованіи, которое всегда индивидуально. Черезъ него особь примыкаетъ къ цѣлому и въ немъ же принимаетъ она на себя всѣ неизгладимыя черты своего сложенія, какъ физическаго, такъ равно и духовнаго. Неощутимымъ образомъ черезъ этотъ актъ цѣлое накидываетъ на появляющееся единичное существо сѣть какъ бы предѣловъ, изъ которыхъ оно никогда не выйдетъ, въ которыхъ все совершить, всего будетъ желать и всего достигнетъ. Такимъ образомъ органическая жизнь, не прерванная на разстояніи тысячелѣтій и связанная на всей землѣ, какъ бы пульсируетъ въ индивидуальномъ существованіи, и судьба каждой особи, отъ рожденія и до смерти, есть только единичное біеніе этой великой жизни, ударъ ея, воспринятый и переданный,—необходимое, хотя и пропадающее мгновеніе въ потокѣ вѣчности“.

Наконецъ, красота въ творествѣ — не въ одномъ только поэтическомъ творествѣ, какъ это думаютъ поэты, не въ творествѣ только художественномъ, а во всякомъ творествѣ—философскомъ, научномъ, религіозномъ, во всякомъ откровеніи.

Красота проявляется во многихъ видахъ, и между всѣми видами красоты есть соотвѣтствіе, связь. Красота творчества преимущественно падаетъ на время любви, на время весны; бури природы находятъ себѣ откликъ въ буряхъ страстей...

Какъ совпадаютъ всѣ откровенія мистической красоты, такъ равнымъ образомъ и всякая мистическая красота можетъ открываться въ формахъ и условіяхъ утилитарной красоты. На этомъ основывается возможность художественной передачи, наряду со всякими чувствами, также мистической красоты. Въ этомъ случаѣ мистически-эстетическая эмоція и утилитарно-эстетическое ощущеніе, объединяясь въ одномъ эстетическомъ явленіи, раздѣляются въ воспринимающихъ субъектахъ. Въ одной и той же музыкѣ одинъ можетъ воспринимать ощущеніе, способствующее пищеваренію, а въ другомъ она потрясаетъ все существо; въ одно время мы уходимъ въ лѣсъ, чтобы успокоить нервы, а въ другое время мы ищемъ тамъ вдохновенія...

Физиологическое воспріятіе красоты и мистическое отношеніе къ ней чередуются въ нашей душѣ, какъ приливъ и отливъ, соотвѣтственно центростремительному и центробѣжному направленію, или настроенію, субъективной жизни.

IX.

Мистическая красота имѣетъ слишкомъ различную цѣнность въ отношеніи религіозномъ и въ отношеніи нравственномъ.

Мистическая красота имѣетъ глубокое положительное значеніе въ религіозномъ отношеніи. Она — религіозна. Полная мистическая красота существуетъ для человѣка подъ условіемъ религіознаго сліянія его съ природою, при возможности такого сліянія.

Мистическая красота — колыбель религіи. Первоначально религія совпадаетъ съ космическимъ чувствомъ, религіозное вдохновеніе — съ эстетической эмоціей. Указанія на это мы находимъ даже въ исторіи іудейской религіи. Такъ центральное явленіе іудейской религіи — пророческое вдохновеніе стояло въ связи съ эстетическимъ воодушевленіемъ. Вотъ „сонмъ пророковъ, сходящихъ съ высоты, и предъ ними псалтирь и тимпанъ, и свирѣль и гусли, и они пророче-

ствують“. Пророкъ призываетъ гуслиста— „и когда гуслисть игралъ на гусляхъ, тогда рука Господня коснулась его“. Когда переносили при Давидѣ ковчегъ Господень, „Давидъ скакалъ изъ всей силы предъ Господомъ... Такъ Давидъ и весь домъ Израилевъ несли ковчегъ Господень съ восклицаніями и трубными звуками“. Дервишу Персіи Джеллалъ-Эддинъ-Руми принадлежитъ стихъ: „Кто извѣдалъ силу пляски,— въ Богъ тотъ“. Абиссинскіе христіане понынѣ совершаютъ богослуженіе съ пѣніемъ и пляскою. Языческія религіи по существу утверждаются на космическомъ вдохновеніи. Въ этомъ именно сущность пантеизма и политеизма. Языческій богъ — богъ натурального экстаза, космическаго восторга,— богъ плотской любви, богъ оживотворяющаго свѣта и тепла, богъ пляски и пѣнія, богъ браннаго воодушевленія, богъ начала семейнаго и народнаго. Пантеизмъ языческой религіи далеко не то же, что философское понятіе пантеизма: религіозный пантеизмъ въ признаніи божественнымъ натурального воодушевленія, въ религіозномъ сліяніи челоуѣка съ природою. Религіозный пантеизмъ въ отличіе отъ философскаго легко уживается съ антропоморфизмомъ, съ боголицетвореніемъ. Но вся сила въ томъ, что это есть олицетвореніе природныхъ силъ,—вся сила въ томъ, что пантеизмъ ищетъ богообщенія въ космическомъ восторгѣ, въ натуральномъ экстазѣ, въ сліяніи съ природою. Культъ языческой религіи въ своей первоначальной чистотѣ и непосредственности болѣе всего далекъ отъ символизма, онъ состоялъ въ томъ или другомъ натуральномъ воодушевленіи— въ жертвенномъ пиршествѣ, въ ароматическихъ куреніяхъ, въ пляскѣ и танцахъ, въ напряженномъ сладострастіи и кровожадности. Въ частности, религія греческая представляется преимущественно религіею красоты. И это несомнѣнно такъ, но только не нужно понимать этого служенія красотѣ легкомысленно и поверхностно. Въ жизни грека различались два аспекта красоты — красота дневная, веселая, размѣренная, благоразумная, жизнерадостная, царство Аполлона, и красота стихійная, трагическая, сладострастная и кровожадная, красота Діониса. Эта послѣдняя въ таинственныхъ мистеріяхъ открывала путь челоуѣку въ лоно природы, давала ему сверхличное богообщеніе, доводила его до божественной жизни. Слѣдуетъ также упомянуть, что свойствен-

ная всѣмъ языческимъ религіямъ жажда чудеснаго психологически основывается на томъ же опытѣ натурального воодушевленія, космическаго окрыленія, когда человѣкъ становится инымъ, постигаетъ тайны и совершаетъ поступки, въ бодрственномъ состояніи ему недоступныя. Этотъ опытъ — опытъ божественной силы, порождающій и питающій вѣру въ божественное всемогущество.

Мистическая красота религіозна и это собственно пантеистическая религія. Но нужно имѣть въ виду, что пантеизмъ этотъ, по закону полярности, естественно переходитъ въ индивидуализмъ. Давая человѣку общеніе съ универсомъ, красота вмѣстѣ съ тѣмъ отъединяетъ человѣка, ставитъ его въ центрѣ всего. Культъ красоты по существу есть культъ индивидуалистической, культъ эгоистической силы, личнаго наслажденія. Въ то время какъ мелкій эгоизмъ ограждается житейскимъ благоразуміемъ, сильный индивидуализмъ питается красотой и страстью. Втягиваясь въ природу, онъ вбираетъ въ себя ея стихію, въ себѣ развиваетъ ея силу. Это — культъ красоты на ступени нищезанства, культъ индивидуальной силы и страсти, воздвигаемый на развалинахъ мѣщанскаго благоразумія. Такъ пантеизмъ переходитъ въ чловѣкобожество.

Но это еще не послѣдняя ступень въ развитіи религіи красоты. Если сила индивидуума въ страсти, то вѣдь сила страсти въ моментѣ, который довольствуется собою и не хочетъ знать ни о вчера, ни о завтра. Индивидуализмъ вырождается въ обоготвореніе индивидуальнаго настроенія, мгновенной страсти. Это позднѣйшій эстетизмъ или декадентство. Здѣсь религія красоты доходитъ своимъ путемъ до послѣднихъ предѣловъ, становится атеизмомъ, — и мало того, теряетъ всякую устойчивость, всякій смыслъ, всякую чловѣческую энергію.

Но еще прежде, чѣмъ дойти до послѣдняго предѣла собственнымъ путемъ, религія красоты уступаетъ предъ силою этическаго сознанія. Какъ моральный субъектъ, какъ личность, чловѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ въ природѣ. Природа равнодушна къ добру и злу, равнодушна къ тому, что дорого для чловѣка. Ея красота — „равнодушная красота“. Съ точки зрѣнія этической это — безобразная красота.

Любилъ и я въ былые годы,

Въ невинности души моей,
 И бури шумныя природы,
 И бури тайныя страстей.
 Но красоты ихъ безобразной
 Я скоро таинство постигъ —
 И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
 И оглушающій языкъ.

Безобразно то, что природа совершенно безстрастна ко
 всему, что наполняетъ человѣческую жизнь, къ его радо-
 стямъ и страданіямъ, къ его усилямъ и борьбѣ.

И мнѣ когда-то было мило
 Свѣтило блѣдное ночей;
 Такъ много грезъ оно будило
 Въ душѣ неопытной моей!....

. . . . .
 Прошли неясныя стремленья
 И поэтическіе сны!
 Теперь иныя впечатлѣнья
 Во мнѣ душой порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно,
 Съ недосыгаемыхъ высотъ,
 Глядитъ она на міръ несчастный,
 Гдѣ лжи и зла повсюду гнетъ,
 Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
 Изамогающихъ отъ битвъ,
 Гдѣ льется столько слезъ незримыхъ,
 И скорбныхъ слышится молитвъ.

Но вполне нравственное безобразіе мистической красоты
 познается въ душевной бурѣ, въ страсти, когда она имѣетъ
 своимъ объектомъ личность. Страсть безжалостна и крово-
 жадна; сжигая ту грудь, въ которой горитъ, она требуетъ
 жертвы любимаго человѣка.

О, какъ убійственно мы любимъ,
 Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
 Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
 Чтò сердцу нашему милѣи!

Намъ говорить: въ томъ, что страсть разбиваетъ устой
 нравственности, и познается ея стихійная святость. „И въ
 сладострастїи, и въ бурѣ есть нѣчто стихійное, страшное и
 веселое, ледяное и жгучее, но нѣтъ ничего человѣчески

злого или добраго. И въ сердцѣ, и въ стихіи совершается воля Того, Кто вызвалъ стихію и сердце изъ небытія. И ежели стихійныя силы копятся въ воздухѣ и, наконецъ, раздражаются бурей—то на то Его святая воля; и ежели грозовыя силы пола точно также копятся и, наконецъ, раздражаются страстью, то и на то Его святая воля... Ударяя въ твердыни нравственныхъ законовъ, страсть разбиваетъ въ дребезги, повидимому, самыя незыблемыя историческія грани, потому что хочетъ все новаго и новаго, безграничнаго, сверхъ-естественнаго, сверхъ-историческаго“... Но вѣдь такое отношеніе страсти къ нравственности обоюдоостро: пусть страсть, врываясь, опустошаетъ царство этическаго разума,—и разумъ, встрѣчая страсть, даже побѣжденный, подстрѣливаетъ ея крылья, лишаетъ ее чувства невинности—ея послѣдняго оправданія. „Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? говорилъ дядя Ерощка Оленину.—На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасеніе. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все Онъ сдѣлалъ... На то она сдѣлана, чтобъ ее любить да на нее радоваться. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми“. Это красиво, стихійно красиво, дико и красиво. Но вѣдь эта дикая страсть не стоитъ одиноко, какъ блестящая точка въ темнотѣ; она вплетена въ систему живого человѣка-звѣря и его разнообразныхъ отношеній. У Ерощки любовь къ дѣвкѣ сплетена съ „любовью къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ“. Эта многообразная въ явленіи, но единая въ сущности—звѣрская любовь вставлена въ соответствующую рамку. „Люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву,—другихъ законовъ у нихъ нѣтъ“. И вотъ, когда въ эту систему вкрадывается новое звено, нравственное сознаніе, она невольно разрывается, она именно теряетъ свою красоту, свою невинность. „Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно,—говорилъ о Марьянѣ пріятель дяди Ерощки, Оленинъ.—Это было бы убійство. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями,

убивать людей и пьянымъ влѣзть къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я?—тогда бы другое дѣло, тогда бы я могъ быть счастливъ“. Въ *Плодахъ просвѣщенія* камердинеръ Федоръ Ивановичъ говоритъ о горничной Танѣ: „Ласковая дѣвочка, хорошая. А вѣдь сколько ихъ такихъ пропадаетъ, подумаешь! Только вѣдь промахнись одинъ разъ,—пошла по рукамъ... Потомъ въ грязи ее ужъ не сыщешь“... Наслаждаясь любовью Анны, Вронскій „чувствовалъ то, что долженъ чувствовать убійца, когда видитъ тѣло, лишенное имъ жизни“. Онъ и дѣйствительно оказался убійцей Анны и ему пришлось видѣть ея мертвое тѣло, „безстыдно растянутое, окровавленное“, ему пришлось прочесть на ея лицѣ „застывшее, странное, жалкое въ губахъ и ужасное въ остановившихся, незакрытыхъ глазахъ выраженіе, какъ бы словами выговаривавшее ему“ упрекъ...И для Анны—почему любовь къ Вронскому оказалась роковою? Ее окружали Бетси, Стива Облонскій, Лиза Меркалова—развращенные, но игравшіе развратомъ. Почему же никто изъ нихъ не чувствуетъ отвѣтственности за половую распущенность и лишь на Аннѣ исполняется строгій законъ: „Мнѣ отмщеніе, и азъ воздамъ?“... „Видите ли,—говорила Бетси Аннѣ, на одну и ту же вещь можно смотрѣть трагически и сдѣлать изъ нея мученье и—смотрѣть просто и даже весело“. Для всѣхъ было просто и даже весело, а для Анны трагически,—почему?.. Въ жизни Анны былъ одинъ моментъ—этически-высокій до необычайнаго—примиреніе мужа съ Вронскимъ... Когда она, послѣ этого, снова отдалась Вронскому, она чувствовала „что-то ужасное въ этомъ послѣ всего, что было“...

Когда намъ воспѣваютъ стихійную красоту и силу страсти, мы можемъ смотрѣть на эти гимны только какъ на проповѣдь, а не какъ на изображеніе дѣйствительной ея силы. Стихійная страсть—не Богъ, а идолъ—безсильный предъ моральнымъ сознаніемъ. Высшее блаженство невинности, внутренней радости того, „кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ“ и „все дѣлаетъ безъ ропота и сомнѣнія“—это блаженство не можетъ быть создано искусственно, проповѣдью.

Вотъ почему Богъ красоты для нравственнаго сознанія есть не что иное, какъ идолъ. Нравственное сознаніе ищетъ иного Бога, „невѣдомаго“ язычеству,—Отца небеснаго.

Здѣсь поворотный пунктъ отъ натуралистическаго пантеизма къ этическому теизму.

Не въ томъ теизмъ, что Богъ представляется лично, а въ томъ, что царство Божіе—не природное царство, а царство человѣческое, надприродное. Богъ теизма это собственно человѣческій Богъ, Небесный Отецъ людей. Царство Божіе—царство добра.

Христіанство не можетъ сдѣлать ни малѣйшей уступки въ сторону эстетической религіи, въ сторону эстетизма. Ницшеанство въ философіи и декадентство, или эстетизмъ, въ искусствѣ—діаметрально противоположны христіанству. Для христіанскаго сознанія ницшеанство и эстетизмъ въ равной мѣрѣ далеки и отъ нравственности и отъ Бога. Это уже понято у насъ. „Декадентство,—справедливо пишетъ одинъ критикъ эстетизма,—есть упадокъ или, вѣрнѣе сказать, сознательное отпаденіе... отъ прежнихъ святынь, отъ прежняго Бога, отъ нравственности,—отпаденіе въ то, что противоположно Богу, въ эстетику, въ злую, демонически-обаятельную красоту. Если человѣкъ начинаетъ отпадать отъ своего внутренняго божескаго начала, ему остается идти, все дальше и дальше, только по пути своего личнаго начала“. „Отъединенное „я“,—пишетъ другой критикъ,—порываетъ не только съ людьми, но и съ Богомъ. Мораль и религію, императивы нравственнаго долга и совѣсти, оно сбрасываетъ съ себя, какъ ненужныя цѣпи, какъ отжившія сухія вѣтви, преграждающія пути къ необъятному простору капризной смѣны индивидуальных настроеній... Въ глубинахъ своего языческаго культа человѣкобога, точнѣе—сверхчеловѣка, еще точнѣе—бога индивидуальнаго мгновенія,—декадентское движеніе есть движеніе, по существу, *антихристіанское*, и даже тамъ, гдѣ оно въ высшихъ своихъ проявленіяхъ поднимается надъ міромъ эстетическаго самолюбованія своей отъединенной сущностью въ сферу „сокровеннаго ощущенія живой связи нашей съ міромъ инымъ“, въ сферу мистическихъ чувствованій, оно отдается чаще всего совершенно неопредѣленному, мутно-расплывающемуся *моленію тайнъ*. Все потустороннее, нездѣшнее, ноуменальное, всякое прозрѣніе „міровъ иныхъ“ страстно воодушевляетъ сторонниковъ „новаго искусства“... На этой почвѣ создается какой-то, часто грубый фетишизмъ тайны, покло-

неніе ноуменальнымъ кумирамъ, кощунственное обоготвореніе всякой тайны, всякой бездны, всякой темной глубины. Подобно натуралистическому пантеизму, который боготворить всю природу, всякую жизнь, молится всему въ природѣ. всякому проявленію жизни, этотъ мистическій пантеизмъ *боготворитъ* всякое дыханіе тайны, все мистическое, *молится* всякой скрытой, невѣдомой сущности“...

Кратко сказать, *эстетическій атеизмъ* это не примиреніе христіанства съ природою, а отрицаніе христіанства, измѣна ему.

„Для того, чтобы спасти религіозное познаніе и сдѣлать его пріемлемымъ,—пишетъ одинъ изъ представителей разслабленнаго эстетизма,—необходимо отнять у религіозной истины всякую тяжесть, выбросить изъ нея балластъ повелѣній, сдѣлать ее легкой, какъ эфиръ. Слова Христа: иго Мое благо и бремя Мое легко,—для нашего времени должны быть еще облегчены. Религіозной морали вообще чужды всякое иго и бремя, даже малѣйшее. Это радость, дающаяся даромъ всякому желающему принять ее, чистый свѣтъ безъ тѣней, одно право безъ обязанностей, вѣчность и безсмертіе безъ заслугъ, безкорыстная жертва Бога ради насъ, безъ требованія отъ насъ жертвы въ пользу Бога“. Такъ эстетизмъ выдаетъ себя съ руками и ногами. Вѣдь это параличъ сердца, параличъ нравственной энергіи. Ему нужны дѣтскія сказки, тихо убаюкивающія душу; ему нужны карточные домики на пескѣ, разлетающіеся отъ легкаго вѣтра. И печально то, что всякую пошлую мысль хотятъ втиснуть въ рамки евангелія, осѣнить знаменіемъ христіанства. Не имѣютъ силы идти за Христомъ и не имѣютъ смѣлости объявить себя противъ Христа; имѣютъ достаточно наглости подмѣшивать къ христіанству чуждые ему элементы. Христіанство бодро, твердо и рѣшительно. „Всякаго, кто слушаетъ слова Мои и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу мудрому, который построилъ домъ свой на камнѣ“...

X.

Христіанство—религія лично-духовная. Оно не стихійно, а человѣчно. Христіанство—это царство богочеловѣческое. Христіанство—область Логоса, творчество этического разума.

Ему болѣе всего чужды суевѣрія религиознаго мистицизма—гностическія, культовья и стихійно-эстетическія. Это свѣтлая область автономнаго разума...

И однако раціонализмъ—карикатура духовнаго пониманія религіи. Христіанская любовь, какъ любовь вѣрующая, не есть отвлеченная идея, но живое всеохватывающее чувство. Христіанство не есть просто отмѣна стихійности въ области религіи, но оно—перерожденіе стихійнаго духа Божія въ свободный духъ Христовъ. Христіанинъ имѣетъ въ себѣ духа Божія—и это именно духъ вѣрующей любви.

Духовная религія примыкаетъ къ этическому разуму. И что ее отличаетъ отъ нравственности, это—вѣра. Что въ нравственности есть долгъ, здѣсь—вѣрующая любовь, поглощающая тяжесть долга, преодолющая нравственность—не въ отрицаніи ея, а въ духѣ любви, радостной, творческой. Религія одновременно—даетъ заповѣди абсолютное выраженіе, выводитъ добро изъ узкой субъективной области на просторъ царства Отца небснаго и, наконецъ, вноситъ подъемъ воодушевленія—силу Духа Божія—въ жизнь этического разума.

Возможна ли красота въ сферѣ человѣческаго разума? Эстетика отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Всѣ движенія сердца, пишетъ Гюйо въ *Задачахъ современной эстетики*,—каковы бы они ни были, въ наше время становятся болѣе разсудочными и болѣе философскими. Это тонкое проникновеніе чувствъ разумомъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ нравственнаго и эстетическаго прогресса. Къ прогрессу приводитъ то обстоятельство, что чувство испытываетъ все болѣе и болѣе увеличивающуюся трудность найти удовольствіе тамъ, гдѣ разумъ остается неудовлетвореннымъ: чтобы вполне насладиться, намъ необходимо мыслить. Человѣкъ интеллигентный поэтому съ презрѣніемъ отнесется къ удовольствіямъ слишкомъ грубымъ и совершенно животнымъ, напр. чисто физическая любовь, не окруженная и не прикрытая разнаго рода нравственными, религиозными или философскими идеями. Болѣе разумныя удовольствія, напротивъ, получаютъ возрастающее значеніе. Итакъ, по мѣрѣ расширенія области пониманія, создаются новые виды удовольствія или страданія, позѣ же облачаетъ ихъ въ форму. Идея не только не заслоняетъ собою живого

образа, но часто содѣйствуетъ его возникновенію; наука непрерывно устанавливаетъ между предметами новыя соотношенія, открывающія самыя неожиданныя перспективы даже для глаза: палитра писателя обогащается по мѣрѣ обогащенія мысли. Подобно тому, какъ въ первобытныя времена умъ, повидимому, возникъ изъ способности чувствовать, точно такъ же, путемъ обратной эволюціи, и болѣе тонкія чувства порождаются умомъ "... Это же сужденіе встрѣчаемъ у Достоевскаго: „мысль выходитъ изъ чувства и, въ свою очередь, водворяясь въ человѣкѣ, формулируетъ новое“.

Въ вопросѣ о религіи можно говорить болѣе рѣшительно, чѣмъ это дѣлаетъ эстетика: здѣсь духовная любовь соединяется съ силою вѣры.

Итакъ, духовная религія—это свѣтлая разумно-человѣчская, точнѣе, богочеловѣчская, а не стихійная, область: однако въ ней тоже дѣйствуетъ духъ Божій—духъ свободной любви. Безъ этого предположенія христіанство является непостижимой тайною. Христіанская любовь, какъ идеаль и долгъ, какъ заповѣдь, совершенно непонятна, немислима, невозможна. Христіанская любовь—духовное дарованіе, обладающее всею силою страсти, заключающее въ себѣ все упоеніе мистической красоты. Такъ единственно можно понимать духовную любовь на твердомъ основаніи христіанскихъ первоисточниковъ и церковной исторіи. Современные кривотолки о христіанствѣ, какъ укрывающіеся за церковною оградю, такъ и раздающіеся на свободѣ, всѣ эти возраженія противъ евангелія, что любить всѣхъ невозможно, и подобныя,—все это прежде всего плодъ невѣжества въ отношеніи къ христіанскимъ первоисточникамъ и христіанскому опыту. Равнымъ образомъ и личный вопросъ: „христіанинъ ли я?“ есть вопросъ: „какого я духа?“ И въ рѣшеніи этого вопроса должна быть искренность: кто не имѣетъ духа Христова, кто не испытываетъ блаженства самоотреченія, восторга духовной любви, тотъ не христіанинъ, какъ бы ни казалось ему христіанство отвлеченно прекраснымъ, или всеобщезобязательнымъ.

Это не проповѣдь, а результатъ изученія фактовъ христіанскаго опыта.

Если мы въ правѣ поставить всякой религіи предѣлъ въ нравственности, то мы обязаны повяъ религію эстетически.

Все упоеніе красоты, безъ котораго жизнь мелочна и буднично-теплохладна, христіанину дано въ восторгѣ любви; красота духовной любви есть единственная красота, которая, соединяя человѣка съ Богомъ и людьми, не уничтожаетъ его свободной автономной личности, но даетъ ей полное содержаніе. Это разумная красота.

Христіанская любовь, какъ духовная, какъ вѣрующая, дѣйствительно объединяетъ мораль долга и красоту свободной жизни, разумъ и природу—въ царствѣ Отца небеснаго. Но не эстетическимъ соединеніемъ разума съ природою порождается христіанство, а религіозная вѣра, дѣйствующая любовью, создаетъ царство духовной красоты. Въ этомъ громадная разница.

Религіозная любовь—*αγάπη*, стихійное безуміе—*ερωσ*. Та и другая имѣютъ въ себѣ духа, имѣютъ въ себѣ красоту. Но именно стихійно онѣ различны и несліянны, онѣ раздѣлены границею нравственнаго сознанія. Сліяніе ихъ, „ощущеніе красоты въ обоихъ полюсахъ“—болѣзненное явленіе. Богочеловѣкъ и человѣкобогъ несоединимы. Между пантеистическимъ-буддѣйскимъ погруженіемъ въ природу и разумно-творческимъ насажденіемъ царства Отца Небеснаго возможна лишь связь полярной смѣны, чередованіе ночи и дня, но не сочетаніе, которое всегда будетъ смѣшеніемъ, противнымъ гермафродитизмомъ. Энергія душевная при этомъ переходѣ преобразуется и, такъ какъ христіанство есть любовь до смерти и вѣра безграничная, т. е. въ сущности предѣльно, захватываетъ весь духъ, то энергіи уже не остается на эротическую стихію. Христіанство даетъ человѣку полную и истинную свободу отъ стихій. Предъ идеею абсолютнаго неба земля есть только царство *цѣломудренной* природы, предъ бездною неба человѣческое—есть только *нравственно-человѣческое*.

Между стихійною красотою и красотою духовною лежитъ міръ будничной суеты съ ея фарисейско-лицемѣрною религіею; изъ ея духовы единственный выходъ—въ царство красоты, для разумно-этического сознанія—въ царство красоты духовной.

М. Таръевъ.